

Роман Виктора ЕРОФЕЕВА «Русская красавица» издан в 28 странах мира. Журнал «Москву Мэгззин» назвал В. Ерофеева человеком года, во Франции он является самым читаемым автором после Пастернака.

— Виктор, есть ли такой вопрос, который вам не задавал ни один журналист, но на который вам хотелось бы ответить?

— Пожалуй, нет... Я когда-то сам пытался найти жанр провокационного интервью, делал интервью с Лосевым, с Лимоновым, с Аксеновым. А с Лосевым даже поспо-

случай был в Доме архитекторов, когда одну девушку стошнило. Я читал «Девушка и смерть». Был конфуз. Пришлось даже остановиться.

— Виктор, вам бы не хотелось родиться женщиной?

— Женщиной? Хотелось бы, но потом быстро умереть и еще кем-нибудь родиться. Я вот написал роман от лица женщины и скажу вам, что лучше писать от лица женщины, будучи мужчиной.

Одна моя приятельница, правда, как-то сказала, что такой роман не мог написать мужчина, но тут же добавила, что такой

— У вас есть идеал женщины?

— Комсомольский вопрос. Наверное, у меня есть представление о симпатичном для меня типе женщины, но все зависит от того, что я собираюсь с ней делать и сколько времени отпущено ей и мне. Я считаю, что каждая женщина годится на роль идеала. Женщины гораздо умнее мужчин, и ум их часто более гибок, чем мужской. Мне всегда казалось, что мужчины очень двумерны и замкнуты на каких-то простых вещах. Они плоски, и с ними довольно быстро становится скучно. А в женщине, в каждой, даже самой неслож-

● НАША ГОСТИНАЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ - 1991 - 6 ФЕВР.

Такой роман не мог написать мужчина

рился в середине, он меня выгнал, а потом его жена нас мирила.

— Для вас, видимо, важен момент шока, не только в вашей прозе, но и в жизни. Мне кажется, что наши читатели воспринимают все это так, а как реагируют на вас на Западе?

— Точно так же. Например, в одном американском колледже из пяти преподавателей трое отказались читать со студентами мой рассказ «Тело Анны, или конец русского авангарда», вопреки рекомендации директора. Или вот мой французский переводчик, который переводил «Русскую красавицу», он умер от СПИДа, говорил мне: «Ты знаешь, я не могу это перевести, тут уж слишком шоковые моменты».

Так что мне очень трудно сказать, что шокирует людей. К тому же я сейчас не очень чувствую читателя, он у меня расплодился и стал многонациональным.

— А как вы сами относитесь к шоку?

— Если вы имеете в виду мои произведения, то меня это не шокирует. Поначалу у меня был момент некоего задора говорить о темах табу и сверега рода разоблачительства. Но то, что сегодня было табу, завтра уже тает и вовсе не табу. И ты понимаешь, что ты полный осел, если будешь работать на этом, потому что через полгода это все вообще приобретет историческое значение. Но здесь есть один важный для меня аспект: мой контакт с читателем связан не только с его сознанием, но и с его подсознанием. То, о чем я пишу, связано с некоторыми подкорковыми такими делами. И момент шока только один из способов проникновения в этот читательский мир, а есть еще и другие хитрости.

— Бывали ли скандалы на ваших вечерах, когда вы читали свои рассказы?

— Скандалы бывали. Самый смешной

роман не могла написать и женщина. Мне кажется, что это самое точное определение этого романа.

— Очень у многих сложилось мнение, что вы наделили вашу «Русскую красавицу» своими мыслями и всеми своими талантами?

— Ну, нет. Это же роман фальшивого сказа. Там совершенно не выдержана достоверность и образы. В какой-то момент она очень умна, а в какой-то — совершенно глупа. Иногда просто там голос автора вообще идет внаглую, но тоже — как бы псевдоавтора. Здесь построение, которое фактически разрывает само понятие сказа и психологической достоверности.

— А можете ли вы сказать, как в свое время Флорбер: «Эмма — это я»?

— Такой вопрос, кстати, был у француз. Но я отвечал им, что не Эмма — это я, а моя красавица должна сказать: я — это Ерофеев.

— Часто ваш роман воспринимают как порнографический?

— Из него можно сделать какой угодно — социальный, порнографический, просто беспомощное чтиво... Он читается в зависимости от того уровня, который вы сами себе выбираете.

— Как вы относитесь к вашей героине?

— Хорошо. Она, конечно, далеко не святая, я иногда говорю, что это образ России или образ русской несчастной женщины. Но в ней мне нравится, знаете что — поразительная жизненная энергия. Я вообще люблю людей энергитивных. Это не значит, что нужно танцевать на столе, но тех людей, в которых есть сильная внутренняя энергия. С этими людьми интересно, потому что такая энергия ведет человека к разным открытиям. А малознергитивный человек очень скушен — в нем нет потенциала.

ной, есть какие-то усики других измерений. Их только надо вытянуть.

— Как же вам тогда удалось жениться, если в каждой женщине вы способны увидеть идеал? Наверное, трудно было выбирать?

— Нет, я очень рано женился. Мне был 21 год. Это была моя абсолютная любовь. Выбирать не приходилось.

— Жена во всем понимает вас?

— Нет, она не из разряда душечек. И с «Красавицей» у нее сложные отношения. А есть рассказы, которые она вообще не принимает. Есть, которые нравятся.

— Она не была никогда прототипом ваших рассказов?

— Нет. Прототипы у меня как бы разворачиваются в словесном потоке. Для меня главное — слово, образ, потому что я не верю в характер.

— Все равно за вашим словом стоит и образ, и характер.

— Но надо сказать, что каждый читатель воспринимает его по-своему, в зависимости от того, кто что вкладывает в слова, у кого какой есть опыт и ум.

— А что касается идеала мужчины, ваше мнение?

— Я считаю, что мужчина должен быть умным. Я очень редко видел в жизни умных мужчин, и надо сказать, что, если бы я был женщиной, я бы отдался первому умному мужчине сразу. Был бы он калекой, ходил бы он на костылях, неважно.

— Вы часто и подолгу живете за рубежом? Ощущаете вы себя европейцем или русским?

— Я себя ощущаю между двух стульев. Вроде бы и не русский, а вроде бы и не европеец. В общем, как в моем романе: вроде бы и мужчина не мог такой роман написать, а вроде бы и женщина и не могла.

Наталья ЖУРАВЛЕВА.